

DOI: 10.18287/2542-047X-2025-11-2-58-65

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.14

Дата поступления: 18.01.2025
рецензирования: 26.02.2025
принятия: 12.05.2025**Собирание и исследование доказательств: каковы критерии их разграничения?****С. Б. Россинский**Институт государства и права Российской академии наук,
г. Москва, Российская Федерация
E-mail: s.rossinskiy@gmail.com

Аннотация: В статье освещаются результаты очередного этапа научных изысканий автора, проводимых в отношении феномена исследования доказательств как одного из непреложных компонентов деятельности органов предварительного расследования, прокуратуры, суда, других участников уголовного судопроизводства, направленной на установление имеющих значение для уголовных дел обстоятельств и обоснование соответствующих правоприменительных актов. Для понимания подлинной роли исследования доказательств проводится его сравнение с другим компонентом доказывания – собиранием доказательств. Обращается внимание, что в реальной практической деятельности исследовательские приемы нередко предрасположены к настолько сильному слиянию с процессуально-созидательными приемами по собиранию соответствующих доказательств, что их разграничение является достаточно сложной задачей. И в этой связи критерии для разграничения собирания и исследования доказательств предлагается усматривать в различном предназначении указанных компонентов доказывания, обуславливающих разные по смыслу, характеру и содержанию приемы работы дознавателей, следователей, судей, других участников уголовного судопроизводства. Роль собирания доказательств предлагается усматривать в накоплении полезных для нужд доказывания предметов, документов, нематериальных сведений путем их юридического преобразования в установленные законом и пригодные к использованию информационные активы, тогда как роль исследования доказательств – в должном восприятии, изучении и анализировании таких активов

Ключевые слова: доказательства; доказывание; исследование доказательств; оглашение доказательств; проверка доказательств; следственные действия; собирание доказательств; уголовно-процессуальное познание.

Цитирование. Россинский С. Б. Собирание и исследование доказательств: каковы критерии их разграничения? // Юридический вестник Самарского университета Juridical Journal of Samara University. 2025. Т. 11, № 2. С. 58–65. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2025-11-2-58-65>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Россинский С. Б., 2025

Сергей Борисович Россинский – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии, Институт государства и права Российской академии наук, 119019, Российская Федерация, г. Москва, ул. Знаменка, 10.

SCIENTIFIC ARTICLESubmitted: 18.01.2025
Revised: 26.02.2025
Accepted: 12.05.2025**Accumulation and monitoring of evidence: what are the criteria for distinguishing them?****S. B. Rossinskiy**Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
E-mail: s.rossinskiy@gmail.com

Abstract: The article highlights the results of the next stage of the author's scientific research, which was conducted in relation to the phenomenon of evidence monitoring as one of the mandatory components of the activities of preliminary investigation bodies, the prosecutor's office, the court, and other participants in criminal proceedings, which is aimed at establishing circumstances that are significant for criminal cases and substantiating the relevant law enforcement acts. To understand the true role of evidence monitoring, it is compared with another component of proof – the accumulation of evidence. It is noted that in real practical activities, monitoring techniques are often so closely merged with procedural and creative techniques for accumulating relevant evidence that their distinction is a rather complex task. And in this regard, the criteria for distinguishing between the accumulation and monitoring of evidence are proposed to be seen in different purposes of these components of proof, which determine the different in meaning, nature and content techniques of the police, investigators, judges, and other participants in criminal proceedings. The role of evidence accumulation is proposed to be seen in the accumulation of objects, documents, and intangible information useful for the needs of proof

by means of their legal transformation into information assets established by law and suitable for use, while the role of evidence monitoring is in the proper perception, study, and analysis of such assets.

Key words: evidence; proving; evidence monitoring; disclosure of evidence; verification of evidence; investigative actions; evidence accumulation; criminal procedural knowledge.

Citation. Rossinskiy S. B. *Sobiranie i issledovanie dokazatel'stv: kakovy kriterii ikh razgranicheniya?* [Accumulation and monitoring of evidence: what are the criteria for distinguishing them?]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta Juridical Journal of Samara University*, 2025, vol. 11, no. 2, pp. 58–65. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2025-11-2-58-65> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declared no conflicts of interest.

© Rossinskiy S. B., 2025

Sergey B. Rossinskiy – Doctor of Laws, professor, chief researcher of the sector of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 10, Znamenka Street, Moscow, 119019, Russian Federation.

Введение

В третьем номере Юридического вестника Самарского университета за 2024 год была опубликована моя статья «Собирание доказательств vs исследование доказательств в контексте шейферовской теории следственных действий (к 100-летию со дня рождения Учителя)» [1]. Статья посвящалась 100-летию со дня рождения известного ученого-правоведа позднесоветского и начала постсоветского периодов, одного из крупнейших специалистов в сфере уголовно-процессуального доказывания в целом и собирания доказательств в частности, «отца-основателя» признанной юридической общественностью теории следственных действий [2; 3] профессора С. А. Шейфера – одного из моих наставников, настоящего Учителя, сумевшего вызвать непреложную увлеченность своей излюбленной научной проблематикой, человека, с которым посчастливилось быть знакомым и находиться не только в деловых, но и подлинно дружеских отношениях в течение более чем полутора десятков лет.

В статье рассматривались наиболее вероятные причины, которые привели к наблюдаемому в настоящее время доктринальному и нормативному смешению различных компонентов работы органов предварительного расследования, суда, других участников уголовного судопроизводства с доказательствами – их собиранием и исследованием. Эти причины связывались с некоторыми шероховатостями, упущениями, а точнее, лакунами и недосказанностями шейферовской теории следственных действий как одного из прикладных воплощений возникшей несколькими годами ранее так называемой кибернетической (информационной) концепции доказывания, фактически предполагающей сведение всей работы с доказательствами лишь к информационному процессу [4, с. 62; 5, с. 73], то есть к накоплению, верификации и рейтингованию неких информационных активов (читай – к собиранию, проверке и оценке доказательств), но почему-то без потребности в их исследовании (!) и дальнейшем использовании в качестве аргументационных ресурсов.

В завершение статьи обращалось внимание на необходимость постепенного разрешения данных проблем. Более того, были спрогнозированы

возникающие перед учеными-процессуалистами, в первую очередь учениками и следователями С. А. Шейфера, перспективы серьезных доктринальных изысканий: указывалось о вскрытии целого пласта практически неизведанных направлений научной работы, состоящей во всестороннем и детальном рассмотрении феномена исследования доказательств как одного из полноценных компонентов уголовно-процессуального доказывания, в том числе в выявлении и осмыслении его существенных признаков и отличий собирания и проверки доказательств.

Одновременно говорилось о собственных намерениях принять посильное участие в таких изысканиях. И в этой связи на протяжении последних месяцев предпринимались попытки подступиться к реализации столь претензионных научных замыслов. Первым итогом работы в данном направлении и посвящена настоящая статья.

Почему исследование доказательств нельзя признавать фрагментом их собирания?

За последние годы мне уже неоднократно доводилось заявлять об автономном характере исследования доказательств, рассматривать его в качестве полноценного компонента уголовно-процессуального доказывания. Об исследовании заявлялось как о необходимом атрибуте работы с любыми доказательствами, существующем наряду (!) с их собиранием, проверкой и оценкой. А его предназначение связывалось с сугубо познавательной деятельностью дознавателей, следователей, прокуроров, судей, прочих субъектов доказывания, с улавливанием ими поступающих информационных сигналов [6, с. 26].

В чем-то схожие позиции ранее высказывались и учеными-криминалистами. Например, Р. С. Белкин соотносил познание и исследование доказательств как целое и часть, то есть считал его (исследование) разновидностью познавательной деятельности [7, с. 48]. В. П. Василенко, признавая исследование одним из этапов работы с доказательствами, увязывал его с извлечением и осмыслением полезной для нужд доказывания информации [8, с. 67]. Близкие по смыслу суждения можно встретить и в других публикациях. Хотя существуют и несколько иные точки зрения, пред-

полагающие попытки отождествления феномена исследования доказательств лишь с судебно-экспертной практикой, в первую очередь с экспертными исследованиями потенциальных вещественных доказательств [9, с. 83].

Конечно, идеи об автономности исследования доказательств, о потребности в его признании отдельным, самостоятельным компонентом уголовно-процессуального доказывания, на первый взгляд, могут показаться достаточно надуманными, не имеющими никакого смысла. Ведь установленная ст. 85 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ / Кодекс) структура доказывания, сводящаяся к хорошо известной трехчленной формуле: «собрание доказательств → проверка доказательств → оценка доказательств», – будто и так предполагает возможность улавливания субъектами-познавателями различных информационных сигналов, как бы «считывания» закодированных в них гносеологических посылов. Вроде бы подобные познавательные потребности вполне удовлетворимы путем собирания доказательств, а иногда – их проверки, часто выполняемой с помощью сходных с тем же собиранием когнитивно-доверительных приемов.

Однако такое впечатление обманчиво. В результате обстоятельного и вдумчивого погружения в проблематику уголовно-процессуального доказывания в целом, детального изучения и анализа феноменов собирания и исследования доказательств в частности возникает убежденность в невозможности поглощения одним (сбором) другого (исследования) – существенные, в некотором смысле даже методологические различия между ними начинают представляться вполне очевидными. Становится ясно, что собирание доказательств надлежит отождествлять не с познанием, а лишь с накоплением дознавателями, следователями, судами либо экспертами (!) востребованных для нужд доказывания предметов, документов, нематериальных сведений путем их юридического преобразования в установленные Кодексом информационные активы, пригодные к использованию для аргументации приговоров либо других правоприменительных актов. Иными словами, собирание доказательств – это не столько про улавливание субъектами-познавателями информационных сигналов, не столько про «считывание» закодированных в них гносеологических посылов, сколько про их юридическое превращение в допустимые средства доказывания, то есть про их своеобразную процессуальную сертификацию с одновременным включением в общий массив доказательственного материала.

Правда, ввиду гносеологического многообразия подлежащих такому собиранию объектов, различных источников их происхождения оно (собрание) может осуществляться посредством либо формирования доказательств, либо их приобщения к уголовному делу. Так, под формированием надо понимать осуществляемую путем производства следственных и судебных действий, судебных экспертиз (то есть в условиях юридической формы,

юридического «ритуала») процессуальную деятельность, направленную на возникновение новых информационных активов: показаний, экспертных заключений, результатов (протоколов) невербальных следственных и судебных действий. Тогда как приобщением доказательств следует считать несколько иной юридический «ритуал» – процедуру формального признания допустимыми средствами доказывания: вещественными доказательствами, алиасными (иными) документами, заключениями специалиста – предметов и документов, первоначально появляющихся за рамками уголовно-процессуальных правоотношений и лишь затем попадающих на стол к следователю (дознавателю) либо в зал судебного заседания в состоянии фактической готовности к использованию по назначению.

Замысел настоящей статьи вовсе не подразумевает очередного изложения авторской позиции о дифференциации средств уголовно-процессуального доказывания на формируемые и так называемые паратусные (собираемые посредством приобщения к уголовному делу). Тем более, у меня нет никаких намерений затевать очередной раунд соответствующей полемики с оппонентами – этой материи посвящены многие другие публикации. Однако хотелось бы еще раз обратить внимание на весьма важный нюанс – на вынужденное признание некогда допущенной ошибки (изначально о признании этой ошибки было заявлено в той самой, вышеупомянутой статье «Собирание доказательств vs исследование доказательств в контексте шейферовской теории следственных действий (к 100-летию со дня рождения учителя)»). Ведь прежде формирование доказательств казалось чем-то, предполагающим полную интеграцию улавливания субъектами-познавателями информационных сигналов, «считывания» закодированных в них гносеологических посылов с их накоплением посредством юридического преобразования в допустимые информационные активы, то есть некое слияние «когнитивности» и «ритуальности» в абсолютно неразделимую, как бы монолитную общность. Тогда как приобщение доказательств к материалам дознавательского, следственного или судебного производства (в еще более ранних публикациях оно называлось просто собиранием доказательств) представлялось чем-то сугубо процедурно-накопительским, тотальным воплощением «ритуальности», начисто лишенным какой-либо примеси «когнитивности».

Вместе с тем в итоге дальнейших изысканий и раздумий постепенно наступило уразумение некоторой несправедливости данной точки зрения – появилось осознание потребности в ее частичном пересмотре. Конечно, сами по себе следственные и судебные осмотры, допросы, эксперименты, другие предусмотренные Кодексом познавательно-направленные действия, в том числе судебные экспертизы, продолжают по-прежнему видаться имеющими достаточно сложную, интеграционную природу – позволяющими, с одной стороны, улавливать различ-

ные сигналы, «считывать» закодированные в них гносеологические посылы, а с другой – одновременно преобразовать их в юридически пригодные для нужд доказывания (допустимые) информационные активы. Однако подобное слияние «когнитивности» с «ритуальностью» больше не представляется главным отличием формирования доказательств от введения предметов и документов в досудебное или судебное производство в качестве паратусных средств доказывания. Напротив, возникла уверенность, что сама по себе «когнитивность» не присуща ни формированию доказательств, ни их приобщению к уголовному делу. Другими словами, собиранию доказательств как одному из легально определенных компонентов доказывания, как начальному элементу предусмотренной ст. 85 УПК РФ трехчленной формулы никакие детерминированные гносеологическими закономерностями восприятия, изучения, анализа полезной информации познавательные приемы просто несвойственны!

И формирование доказательств, и приобщение в качестве таковых к уголовному делу различных предметов и документов – это не более чем разные способы юридической сертификации накапливаемых информационных активов, сопровождаемой их признанием пригодными к использованию, то есть допустимыми средствами уголовно-процессуального доказывания. И следовательно, критерии для дифференциации таких способов надлежит усматривать не столько в наличии / отсутствии познавательных приемов, фрагментов «когнитивности», сколько в гносеологическом многообразии подлежащих процессуальному «освоению» сведений, в различных источниках их происхождения. Формирование нужно ассоциировать с изначально «бесформенными», хаотично запечатленными в объективной реальности либо человеческой памяти фрагментами ценной информации, подлежащей превращению в показания, экспертные заключения или результаты (протоколы) следственных либо судебных действий в ходе производства соответствующих процессуально-созидательных действий: осмотров, обысков, допросов, предъявлений для опознания, судебных экспертиз и т. д., – то есть путем создания, «сотворения» новых информационных продуктов. Приобщение, в свою очередь, надлежит увязывать с возникшими, в частности созданными вне уголовно-процессуальных правоотношений и затем попадающими в распоряжение дознавателя, следователя, суда, предметами либо документами, в связи с чем нуждающимися в юридической легализации, осуществляемой посредством их формального признания паратусными доказательствами и введения в общую доказательственную массу, но не в качестве когнитивного сырья либо полуфабрикатов, а в качестве находящихся в готовности к использованию изделий.

И, таким образом, представляется, что подлинно познавательные приемы, подлинные фрагменты «когнитивности», сводящиеся не к накоплению и сертификации информационных активов, а к вос-

приятию, анализированию, изучению ценных для нужд доказывания сведений, то есть к улавливанию субъектами-познавателями поступающих информационных сигналов, к «считыванию» закодированных в них гносеологических посылов, свойственны не столько собиранию, сколько другому необходимому компоненту работы с доказательствами – их исследованию. Именно оно (исследование) сводится к вербальной либо невербальной перцепции «следов преступления» (следов в широком смысле – как любых материальных либо идеальных отражений объективной реальности). Именно оно состоит в постижении и осмыслении дознавателями, следователями, прокурорами, защитниками, судьями, другими субъектами доказывания содержания накопленных (накапливаемых) либо только предполагаемых к накоплению информационных активов, в распознавании и должном усвоении их внешних и внутренних признаков, свойств, атрибутов, к формированию на основе воспринятого контента соответствующих мысленных образов. Именно результаты исследования доказательств во многом способствуют их проверке, надлежащей оценке, обеспечивают возможность их использования по назначению.

Другое дело, что в реальной практической деятельности сугубо познавательные (читай – исследовательские) приемы нередко предрасположены к слиянию с одновременно осуществляемыми процессуально-созидательными приемами по накоплению (читай – собиранию) соответствующих доказательств в единые общности, предполагающие вышеупомянутую интеграцию «когнитивности» и «ритуальности». Причем особо высокой степенью смешения когнитивных улавливаний субъектами-познавателями информационных сигналов, «считываний» закодированных в них гносеологических посылов с их юридическими преобразованиями в пригодные к использованию в качестве средств доказывания информационные активы, несомненно, характеризуются следственные и судебные действия, а также судебные экспертизы. В этой связи четкое практическое разграничение фрагментов собирания и исследования доказательств, их аккуратное «раскладывание по полочкам» являются достаточно сложной задачей. И хотя теоретические критерии для такого разграничения представляются вполне понятными и очевидными, указанная задача, увы, оказалась не под силу подавляющему большинству специалистов. На сегодняшний день испытать гордость за внесение определенной лепты в ее разрешение, да и вообще за распознавание разницы между собиранием и исследованием доказательств могут очень немногие, не обремененные стереотипами ученые [10, с. 21–22; 11, с. 188].

Почему исследование доказательств лучше заметно в судебном производстве по уголовному делу?

Невзирая на достаточно пренебрежительное отношение законодателя к феномену исследова-

ния доказательств, утверждать о полном нормативном забвении этого компонента доказывания все же не приходится – ему уделяется некоторое внимание в «судебных» нормах уголовно-процессуального права. Так, в ст. 240 УПК РФ устанавливается требование о непосредственности судебного исследования доказательств (!), а в ст. 274 УПК РФ – его порядок (очередность); в ст. 291 УПК РФ говорится об окончании судебного исследования доказательств (!), а в ст. 389.13 УПК РФ – об «апелляционном» исследовании доказательств (!), не попавших в зону внимания суда первой инстанции. В статье 246 УПК РФ предусматриваются возможности участия в судебном исследовании доказательств (!) государственного (частного) обвинителя, а в ст. 249 УПК РФ – встречные полномочия защитника и т. д. Более того, исходя из смысла закона, именно ему (исследованию) уготована роль одного из базовых компонентов судебного доказывания. Тогда как судебному собиранию доказательств, по сути, придается лишь второстепенное значение – невзирая на множество нормативных «намёков» и «подсказок», о суде как о субъекте собирания доказательств прямо говорится только в ч. 1 ст. 86 УПК РФ.

Согласиться с таким нормативным подходом достаточно сложно. Однако причины его возникновения вполне объяснимы – по всей видимости, феномен судебного исследования доказательств привлек внимание законодателя (читай, авторов-разработчиков Кодекса) ввиду заметности для «невооруженного глаза», то есть предрасположенности к выявлению, обнаружению и пониманию глубоко не погруженными в проблематику уголовно-процессуального доказывания лицами. Ведь в ходе судебных разбирательств уголовных дел либо прочих относящихся к исключительному ведению суда вопросов достаточно часто возникают потребности не столько в получении новых, сколько в перцепции, изучении, анализировании уже имеющихся, накопленных ранее информационных активов, в первую очередь доказательственных материалов, собранных посредством досудебных производств. Более того, будучи подчинено известным условиям реализации судебной власти: устности, гласности, обеспечению доступа к правосудию и др., – судебное исследование доказательств нуждается в достаточно четкой формализации, в связи с чем может осуществляться лишь в установленном законом порядке. Для решения подобных задач предусматриваются специальные, нехарактерные для стадий возбуждения уголовного дела и предварительного расследования процессуально-когнитивные действия: оглашение прежних показаний подсудимых, потерпевших, свидетелей, экспертных заключений, протоколов следственных действий, прочих документов, осмотры вещественных доказательств и т. д. Несвязанность всех этих сугубо когнитивных приемов с собиранием доказательств, то есть с накоплением предметов, документов, сведений путем их юридического преобразования в допустимые информационные

активы, представляется достаточно очевидной. И таким образом, по всей вероятности, законодатель просто не смог проигнорировать надобность нормативной регламентации приемов судебного исследования доказательств – оно слишком сильно бросалось и продолжает бросаться в глаза, слишком выделялось и продолжает выделяться на общем фоне механизмов доказывания. К слову, точно такие же ошибки присущи и многим научным публикациям, в которых феномен исследования доказательств связывается исключительно с судебными стадиями уголовного судопроизводства [12, с. 31].

Вместе с тем достаточно близкие по предназначению, направленные на решение схожих когнитивных задач, но присущие не судебному, а досудебному производству познавательные приемы оказались для законодателя, равно как и для подавляющего большинства ученых-процессуалистов, не столь очевидными. Они не привлекли к себе правотворческого внимания, в связи с чем не получили какого-либо нормативного отражения в положениях доказательственного права – исходя из смысла закона, должностным лицам органов предварительного расследования, а в некоторой степени и защитникам, и другим невластным субъектам уголовно-процессуальных правоотношений предписано работать с доказательствами в четком соответствии с установленной ст. 85 УПК РФ трехчленной формулой.

В частности, пока что еще очень немногим специалистам удавалось подметить, что надобность в исследовании предварительно собранных и уже находящихся в уголовном деле доказательств может быть свойственна не только механизмам судебного познания, что одними лишь «судебными» правоотношениями эти потребности не ограничены! Мало кому посчастливилось уразуметь характерность точно таких же или, по крайней мере, весьма схожих когнитивных задач для досудебного производства, осознать и осмыслить постоянно присущую работе дознавателей, следователей, а также их процессуальных «визави» необходимость восприятия, изучения, анализирования ранее накопленных информационных активов. Кроме того, не были учтены познавательные приемы, состоящие в превентивном восприятии, изучении и анализировании дознавателями и следователями каких-либо предметов и документов еще до их признания пригодными к использованию паратусными доказательствами и приобщения к уголовному делу – именно в целях установления наличия либо отсутствия оснований для принятия соответствующих решений.

Но тем не менее такие потребности – это вполне обыденные реалии правоприменительной практики; они возникают и, следовательно, нуждаются в удовлетворении по всем уголовным делам, по крайней мере по подавляющему большинству находящихся в производстве органов предварительного расследования. Ведь любому дознавателю либо следователю приходится знакомиться с со-

держанием поступающих в его ведение экспертных заключений, алиасных (иных) документов, материалов, содержащих результаты непроцессуальной, в первую очередь оперативно-розыскной, деятельности, прочих информационных активов. Каждому из них надлежит изучать протоколы и другие материалы осуществленных без его непосредственного участия следственных действий, в том числе «перешедшие по наследству» от ранее ведущих соответствующие дела дознавателей и следователей, сформированные коллегами в порядке исполнения «отдельных поручений» и т. д. Тогда как обвиняемым, защитникам, потерпевшим, другим невластным субъектам доказывания желательно в пределах своих правомочий знакомиться с накопленными информационными активами для уяснения перспектив дальнейшего производства по уголовному делу в целом и определения вектора своего поведения в частности. В противном случае ни проверить, ни оценить на предмет относимости, допустимости, достоверности, ни продуктивно использовать все эти материалы для нужд доказывания станет просто невозможным.

Правда, ввиду принципиально иных по сравнению с судебным разбирательством полуинквизиционных условий дознавательской и следственной деятельности — ее камеральности (кабинетности), относительной тайности, письменности, «следственной автократии» и т. п. — для удовлетворения всех указанных когнитивных потребностей какая-либо существенная формализация соответствующих познавательных приемов просто не нужна. Вряд ли кому-то могут показаться разумными некие предусмотренные законом требования, вынуждающие дознавателя или следователя, уподобляясь суду, громко оглашать самому себе «в тиши кабинета» только что полученное экспертное заключение, материал, содержащий результаты оперативно-розыскной деятельности, или какой-либо иной документ. Поэтому такие потребности подлежат удовлетворению в необремененном особыми юридическими гарантиями, то есть достаточно свободном режиме, обычно сводящемся к банальному прочтению либо просмотру соответствующих документов (к визуальному обследованию соответствующих предметов) в любое удобное время — как бы в перерывах между процессуальными действиями.

Вместе с тем существуют и некоторые исключения — прямо предусмотренные законом процедуры, сводящиеся к ознакомлению обвиняемых, защитников, потерпевших, других правомочных субъектов с материалами уголовных дел и не предполагающие столь свободный процессуальный режим досудебного исследования доказательств. Ввиду понятных причин данные механизмы не могут обойтись без некоторой формализации, без обременения рядом юридических гарантий, способствующих как обеспечению правовой защищенности указанных лиц, так и снижению рисков злоупотребления предоставленными им процессуальными возможностями. В этой связи «предсудебные» ознакомления со всеми материалами уго-

ловных дел четко регламентируются ст. 216–218 УПК РФ, а «текущие» ознакомления с некоторыми документами, например с заключениями эксперта, осуществляются в режиме, предполагающем правовую преемственность по отношению к данным положениям закона.

Выводы

Завершая настоящую статью, хотелось бы еще раз задаться вопросом, вынесенным в ее наименование и, следовательно, предопределившим ее предмет: каковы критерии разграничения собирания и исследования доказательств? Думается, что, опираясь на итоги проведенных изысканий, ответить на него достаточно просто.

Резюмируя все вышесказанное, можно с уверенностью заявить, что, несмотря на достаточно тесное переплетение фрагментов собирания и исследования доказательств в правоприменительной практике, на сложности в выявлении и распознавании параметров для их разграничения, особенно в досудебном производстве по уголовному делу, такие критерии все же существуют. Они связаны с сугубо индивидуальными ролями, собственными предназначениями указанных компонентов доказывания, обуславливающими разные по смыслу, характеру и содержанию приемы работы дознавателей, следователей, судей, других участников уголовного судопроизводства. И в этой связи поглощение исследования доказательств их собиранием, равно как и наоборот, представляется невозможным.

Собирание доказательств состоит не в познании, а лишь в накоплении уполномоченными субъектами полезных для нужд доказывания предметов, документов, нематериальных сведений путем их юридического преобразования в установленные законом и пригодные к использованию по назначению (допустимые) информационные активы, то есть в своеобразной процессуальной сертификации с одновременным включением в общий массив доказательственного материала. Тогда как исследование доказательств, напротив, выполняет не процедурно-накопительскую, а именно когнитивную роль — заключается в улавливании субъектами-познавателями различных информационных сигналов, в «считывании» закодированных в них гносеологических посылов, то есть в должном восприятии, изучении и анализировании собранных либо подлежащих собиранию доказательственных активов в целях их дальнейшей проверки, оценки на предмет относимости, допустимости, достоверности, а также продуктивного использования в качестве средств доказывания.

И наконец, в качестве научного постскрипума хотелось бы обратить внимание на невозможность детального освещения в рамках настоящей, к слову, весьма ограниченной в объеме статьи многих других нуждающихся в доктринальном осмыслении проблем, связанных с феноменом исследования доказательств по уголовному делу. Их рассмотрение планируется в самом обозримом будущем.

Библиографический список

1. Россинский С. Б. Собираание доказательств vs исследование доказательств в контексте шейферовской теории следственных действий (к 100-летию со дня рождения Учителя) // Юридический вестник Самарского университета Juridical Journal of Samara University. 2024. Т. 10, № 3. С. 47–54. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-3-47-54>.
2. Шейфер С. А. Сущность и способы собирания доказательств в советском уголовном процессе. Москва: БЮЗИ, 1972. 130 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47373121>. EDN: <https://www.elibrary.ru/jupkkw>.
3. Шейфер С. А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. Москва: Юрлитинформ, 2001. 208 с. URL: https://www.studmed.ru/view/sheyfer-sa-sledstvennye-deystviya-sistema-i-processualnaya-forma_87b4df0811c.html.
4. Орлов Ю. К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. Москва: Юрист, 2009. 174 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19781240>. EDN: <https://elibrary.ru/qqrxf>.
5. Доля Е. А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности. Москва: Проспект, 2009. 376 с. URL: <https://www.studentlibrary.ru/book/ISBN9785392146949.html>.
6. Россинский С. Б. Собираание, формирование и исследование доказательств в уголовном судопроизводстве: проблемы разграничения // Российская юстиция. 2017. № 5. С. 24–27. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29115723>. EDN: <https://elibrary.ru/yndpyz>.
7. Белкин Р. С. Собираание, исследование и оценка доказательств. Москва: Наука, 1966. 295 с.
8. Василенко В. П. Исследование доказательств на предварительном следствии. Москва: Академия МВД СССР, 1978. 134 с.
9. Самыгин Л. Д. Расследование преступлений как система деятельности. Москва: Издательство Московского университета, 1989. 182 с.
10. Жусипбекова А. М. Исследование доказательств как элемент доказывания по уголовному делу // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 3 (35). С. 19–23. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49535708>. EDN: <https://elibrary.ru/hesqfg>.
11. Конин В. В. Исследование доказательств в уголовном судопроизводстве: дискуссионные вопросы // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2024. № 2 (99). С. 185–191. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=68507520>. EDN: <https://www.elibrary.ru/mzvmbo>.
12. Васяев А. А. Теория исследования доказательств в российском уголовном процессе. Москва: Юрлитинформ, 2016. 472 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25072960>. EDN: <https://www.elibrary.ru/vclrud>.

References

1. Rossinskiy S. B. *Sobiranie dokazatel'stv vs issledovanie dokazatel'stv v kontekste sheiferovskoi teorii sledstvennykh deistvii (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya Uchitelya)* [Collection of evidence VS examination of evidence in the context of the Shafer theory of investigative actions (on the 100th anniversary of the Teacher's birthday)]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta Juridical Journal of Samara University*, 2024, vol. 10, no. 3, pp. 47–54. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-3-47-54> [in Russian].
2. Shafer S. A. *Sushchnost' i sposoby sobiraniya dokazatel'stv v sovetskom ugolovnom protsesse* [Nature and methods of collecting evidence in Soviet criminal proceedings]. Moscow: VYuZI, 1972, 130 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47373121>. EDN: <https://www.elibrary.ru/jupkkw> [in Russian].
3. Shafer S. A. *Sledstvennye deistviya. Sistema i protsessual'naya forma* [Investigative actions. System and procedural form]. Moscow: YurLitinform, 2001, 208 p. Available at: https://www.studmed.ru/view/sheyfer-sa-sledstvennye-deystviya-sistema-i-processualnaya-forma_87b4df0811c.html [in Russian].
4. Orlov Yu. K. *Problemy teorii dokazatel'stv v ugolovnom protsesse* [Problems of the theory of evidence in criminal proceedings]. Moscow: Yurist, 2009, 174 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19781240>. EDN: <https://elibrary.ru/qqrxf> [in Russian].
5. Dolya E. A. *Formirovanie dokazatel'stv na osnove rezul'tatov operativno-rozysknoi deyatel'nosti* [Formation of evidence based on the results of operational-search activities]. Moscow: Prospekt, 2009, 376 p. Available at: <https://www.studentlibrary.ru/book/ISBN9785392146949.html> [in Russian].
6. Rossinsky S. B. *Sobiranie, formirovanie i issledovanie dokazatel'stv v ugolovnom sudoproizvodstve: problemy razgranicheniya* [The gathering, formation and study of evidence in criminal proceedings: problems of differentiation]. *Rossiiskaya yustitsiya* [Russian Justice], 2017, no. 5, pp. 24–27. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29115723>. EDN: <https://elibrary.ru/yndpyz> [in Russian].

7. Belkin R. S. *Sobiranie, issledovanie i otsenka dokazatel'stv* [Collection, investigation and evaluation of evidence]. Moscow: Nauka, 1966, 295 p. [in Russian].
8. Vasilenko V. P. *Issledovanie dokazatel'stv na predvaritel'nom sledstvii* [Study of evidence during preliminary investigation]. Moscow: Akademiya MVD SSSR, 1978, 134 p. [in Russian].
9. Samygin L. D. *Rassledovanie prestuplenii kak sistema deyatel'nosti* [Investigation of crimes as a system of activity]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1989, 182 p. [in Russian].
10. Zhussipbekova A. M. *Issledovanie dokazatel'stv kak element dokazyvaniya po ugovnomu delu* [Investigation of evidence as an element of proving in a criminal case]. *Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation], 2022, no. 3 (35), pp. 19–23. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49535708>. EDN: <https://elibrary.ru/hesqfg> [in Russian].
11. Konin V. V. *Issledovanie dokazatel'stv v ugovnom sudoproizvodstve: diskussionnye voprosy* [Evidence Research in Criminal Proceedings: Controversial Issues]. *Nauchnyi vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V. V. Luk'yanova* [Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov], 2024, no. 2 (99), pp. 185–191. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=68507520>. EDN: <https://www.elibrary.ru/mzvmbo> [in Russian].
12. Vasyaev A. A. *Teoriya issledovaniya dokazatel'stv v rossijskom ugovnom processe* [Theory of evidence research in Russian criminal procedure]. Moscow: Yurlitinform, 2016, 472 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25072960>. EDN: <https://www.elibrary.ru/vcrlud> [in Russian].